

ИССЛЕДОВАНИЕ ГРОТА НА КАМНЕ ДОЖДЕВОМ (р. Чусовая)

Грот на камне Дождевом (Пригородный р-н, Свердловская обл.) открыт и исследован экспедицией Нижнетагильского пединститута в 1988 г. Находится он в 11 км ниже по течению реки у с. Усть-Утка (рис. 1).

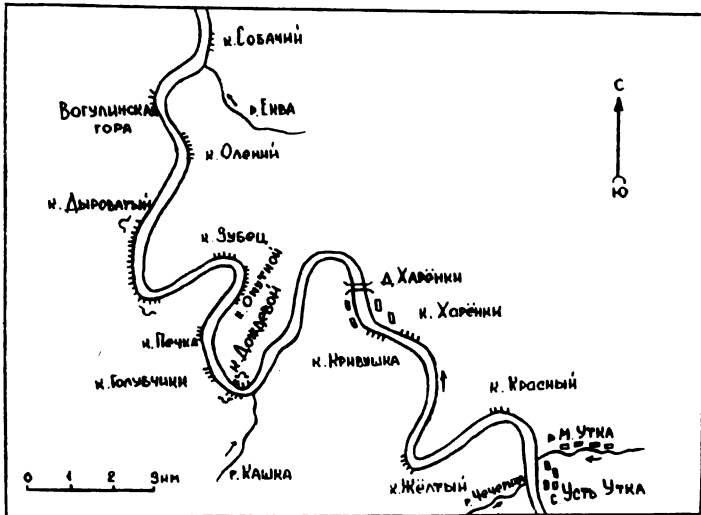

Рис. 1. Река Чусовая. Ситуационный план расположения памятника

Камень Дождевой расположен на правом берегу р. Чусовой и представляет собой скалистый утес высотой 30—35 м. Напротив него по левому берегу в р. Чусовую впадает р. Кашка, по обоим берегам которой располагалась ныне несуществующая д. Кашка. От устья р. Кашки начинается один из больших перекатов, который располагается как раз под камнем Дождевым. Падение реки здесь заметно на глаз. При сплаве по течению вход в грот не просматривается. Чтобы увидеть его, нужно проплыть мимо камня Дождевого и обернуться. Но и тогда, чтобы заметить грот (он находится в затененной расщелине), надо знать, что он существует. Потаенное расположение грота и наличие под ним Кашкинского переката (который приковывал внимание сплавляющихся), видимо, и является причиной того, что вплоть до 1988 г. грот оставался не исследованным археологами.

Грот расположен на высоте 14 м над водой. Подъем к нему довольно затруднен крутизной склона, выход ориентирован на юго — юго-запад. Он имеет трещиновато-карстовое происхождение. Узкая щель тянется вверх на 5—6 м. Размеры его: с северо-востока на юго-запад — 2,4 м, с северо-запада на юго-восток — 2 м. Ширина выхода вниз — около 1 м. Поверхность грота заметно наклонена к выходу, площадка перед ним имеет всего 1 м в длину, затем круто обрывается к реке. От выхода вдоль скалы в направлении на запад идет скальный карниз шириной менее 1 м и длиной до 5,5 м (рис. 2).

Поверхность грота была пронивелирована, причем, за ноль был принят западный край выхода из него. Все находки специальными условными обозначениями наносились на план масштабом 1:10. Одновременно указывались порядковый номер находки и глубина ее залегания. Глубина залегания определялась от уровня современной поверхности. Раскопками исследована вся площадь грота (около 5 м²) и практически вся площадка перед ним (около 12 м²) — всего около 17 м² (рис. 2).

Грот исследован до скального основания на глубину до 2,5 м. Мощность отложений по северо-восточной стене — 1,3—2,5 м; по юго-восточной — у стенки — 2 м, у входа — 0,85 м; в средней части грота — 1,8 м. По засыпанной перемычке, ведущей на второй этаж, стратиграфия следующая: поверхность покрыта известковой пылью мощностью до 5 см; 5—55 см — завал камней; 55—80 см — слой светло-коричневой глины; 80—120 см — завал камней; 55—80 см — слой светло-коричневой глины; 80—120 см — завал камней; 120—145 см — слой светло-коричневой глины; 145—185 см — завал щебня; 185—250 см — слой темно-коричневой глины с крупными камнями.

В средней части грота стратиграфия несколько иная: после пылевидного известкового слоя идет светло-коричневая глина мощностью от 30 до 60 см. Под ней расположен глыбовый завал толщиной до 0,5 м, а под ним опять идет 30—50 см глины до следующего глыбового горизонта. Под вторым глыбовым завалом глина темнеет, становится более влажной и вязкой, продолжаясь до глубины 1,8—2 м, выклинивается в трещины скального дна грота.

Культурные остатки содержатся в верхней части светло-коричневой глины до глубины 60 см. Причем, основная часть находок залегает на глубине 10—30 см, в привходной части — на 65 см. А одна расколотая галька располагалась на глубине 84 см. Необходимо отметить, что ни одной находки под первым глыбовым горизонтом не обнаружено. Только кости животных насыщают глину вплоть до 2 м глубины.

На площадке слой глины отсутствует, но выклинивается сразу за выходом из грота — через 0,5 м. Через 4 м от входа

в грот, в расселине скального карниза на глубине 35 см, также залегает глина, но уже без находок. Стратиграфия отложений

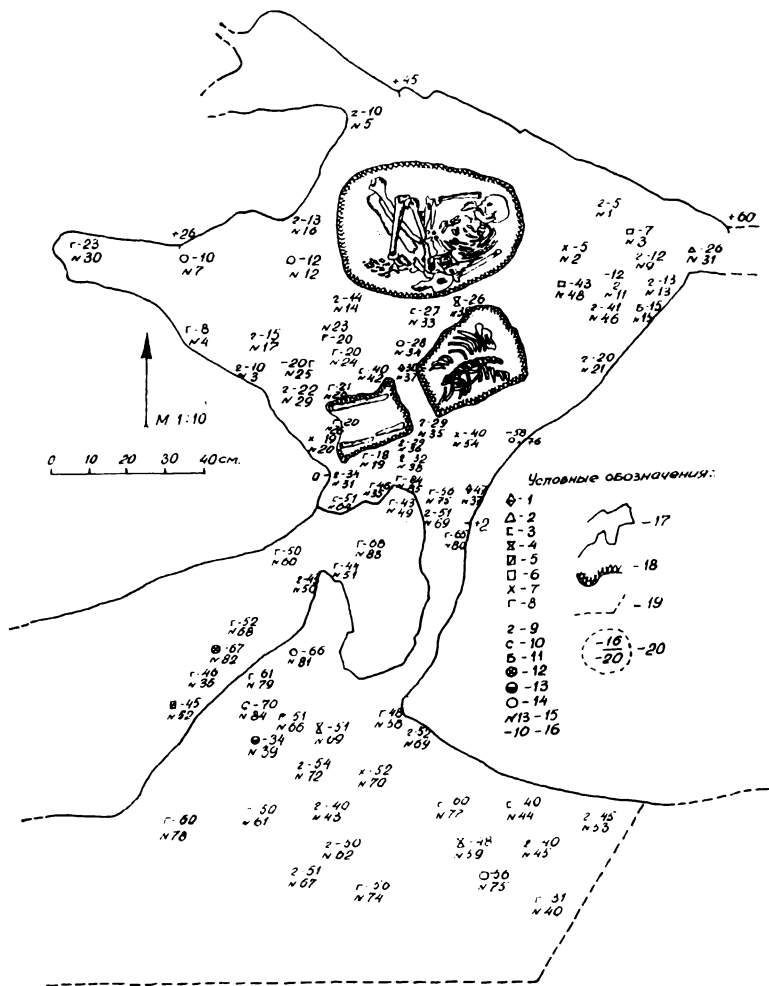

Рис. 2. Грот на камне Дождевом. План раскопа:

1 — наконечник стрелы; 2 — острие; 3 — скребок; 4 — заготовка орудия; 5 — ретушер; 6 — ножевидная пластина; 7 — отщеп; 8 — расколотая галька; 9 — галечные отщепы; 10 — кусок слюды; 11 — обломок бронзового ножа; 12 — костяное изделие; 13 — венчик сосуда; 14 — стенка сосуда; 15 — номер находки; 16 — глубина залегания находки от современной поверхности; 17 — скальный карниз; 18 — граница охряного пятна; 19 — граница раскопанной части площадки; 20 — скопление костей рыбы с указанием глубины залегания

на площадке проста: скальный карниз и склон площадки перекрыты черным гумусированным слоем мощностью до 75 см. Все находки происходят из этого слоя. Залегают они глубже,

чем в гроте — на глубине 45—70 см. Причем, если комплекс находок из грота представлен несколькими эпохами, то находки с площадки относятся только к раннему железному веку.

Всего при раскопках грота найдено 53 предмета, на площадке — 32. Кроме того, 7 предметов получены при промывке отвала (в основном галька и галечные отщепы). Комплекс находок состоит из 92 предметов. Связан он со следами нескольких посещений грота в различные археологические эпохи.

К самому древнему периоду — эпохе мезолита — можно отнести 2 ножевидных пластинки без ретуши (рис. 2, № 3 и № 27). Первая из них найдена в восточном углу грота на глубине всего 7 см. Вторая залегала над неолитическим погребением на глубине 21 см. Она явно была потревожена при расчистке места под могилу и попала поверх погребения при его засыпке. Также из потревоженного слоя происходит и первая пластинка.

Обе пластинки изготовлены из кремнистого сланца, одна — из черного, вторая — темно-серого. Изделий из такого сырья в комплексе грота больше нет. Обе целые. Длина одной — 3,2 см, второй — 5,4 см; ширина соответственно 0,7 и 1,2 см (рис. 3-3, 4).

Еще 2 находки относятся к неолитической эпохе и связаны с посещением грота, во время которого было произведено захоронение. Это ножевидная пластина (№ 48) и фрагмент керамики (№ 76). Пластина найдена в восточном углу грота на глубине 43 см, а фрагмент керамики — в привходовой части на глубине 58 см и, возможно, связан с полуразрушенным погребением 1. Во всяком случае, он происходит от сосуда, обломки которого найдены и в первом, и во втором погребениях (рис. 3-17). Пластина (вернее, ее отсеченная верхняя часть) изготовлена из халцедона светло-серого цвета. Это сырье также единично в комплексе грота. Пластина имеет длину 3 см и ширину 1,2 см (рис. 3-5). В отличие от мезолитических пластин (очень тонких) ее толщина доходит до 0,4 см. Левый край ее по всей длине, а правый частично, обработаны крутой ретушью со стороны спинки.

Все остальные находки связаны с ранним железным веком. Распределяются они следующим образом: фрагменты керамики — 7; бронзовое изделие — 1; костяные изделия — 2; наконечники стрел — 2; скребки — 5, острие — 1; заготовка орудия — 1; отщеп с краевой ретушью — 1; отбойники — 2; куски слюды — 2; нуклевидные куски — 2; галька целая и надколотая — 12; галька колотая и галечные отщепы со следами заготовки — 32; отщепы с галечной коркой — 10; отщепы без галечной корки — 8. Всего — 88 предметов.

Керамический комплекс содержит венчик с гребенчатым орнаментом (рис. 3-15), стенку с крестовым орнаментом (рис. 3-16) и 5 стенок без орнамента. В тесте сосудов — при-

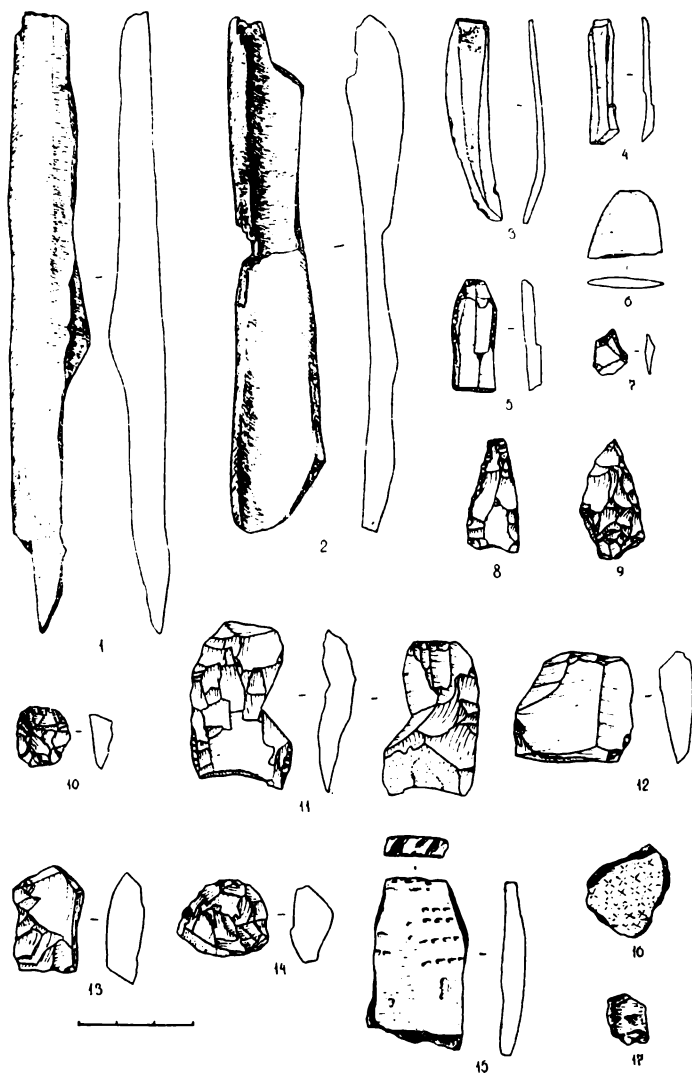

Рис. 3. Костяные (1, 2), каменные (3—5, 7—14), бронзовое (6) и керамические (15—17) изделия:

1 (№ 82) — ретушер; 2 (№ 41) — орудие для обработки кожи; 3, 4 (№ 27, 3) — ножевидные пластины; 5 (№ 48) — ножевидная пластина с ретушью; 6 (№ 15) — обломок бронзового ножа; 7 (№ 31) — острие; 8, 9 (№ 57, 37) — наконечники стрел; 10, 13, 14 (№ 64, 44, 42) — скребки; 11 (№ 59) — заготовка орудия; 12 (№ 32) — отщеп с краевой ретушью; 15 (№ 39) — венчик сосуда; 16, 17 (№ 34, 76) — стенки сосудов

мель слюды или талька. Керамика датируется ранним железным веком.

Бронзовое изделие является, скорее всего, обломком ножа. Оно имеет закругленный конец и линзовидное сечение (рис. 3-6). Длина сохранившейся части — 1,6 см, ширина у места слома — 2 см.

Оба костяные изделия найдены на площадке, причем, второе залегало в 4 м от входа, в расселине скального карниза (рис. 3-2). Оно изготовлено из расщепленной вдоль лучевой кости северного оленя. Левый край кости сильно сглажен и залощен. Изделие применялось для обработки кожи. Другой предмет изготовлен из расколотой локтевой кости лося (рис. 3-1). Правый край кости носит следы оббивки, а верхний конец использовался в качестве ретушера.

Наконечники стрел относятся к типу, преобладающему в раннем железном веке, — треугольник с прямым или слегка вогнутым основанием (рис. 3-8, 9). Один наконечник изготовлен из серого кремнистого сланца, второй — из черного кремня. Такого сырья в комплексе грота нет. Значит, и эти изделия были принесены в грот, а не изготовлены на месте.

Заготовка орудия (наконечник стрелы или двусторонне обработанный нож) из кремнистого сланца также выполнена на стороне (рис. 3-11).

А вот отщеп с краевой ретушью (рис. 3-12) и миниатюрное острие на отщепе (рис. 3-7) изготовлены из одного куска коричневого кремня хорошего качества. Из этого же куска сделаны еще отщеп и чешуйка. Наличие отходов производства свидетельствует об изготовлении данных предметов в гроте.

Все 5 скребков — на отщепах, 2 имеют круглую форму (рис. 3-10, 14), остальные — концевые (рис. 3-13). Скребки использовались для обработки кожи, но в работе были недолго. Судя по наличию галечной корки на некоторых скребках, они изготавливались из галечного сырья.

Отбойником служила галька местной породы типа мергеля. Она склеилась из двух частей. Галечный комплекс представлен 4 гальками с незначительными следами обработки, 8 половинками галек, 4 крупными кусками и 38 галечными отщепами. 8 отщепов без галечной корки, судя по сырью, также происходят от галек. Только 2 отщепа сделаны из кварцитовых галек, все остальные и куски галек являются кремнистыми.

Анализ галечного комплекса находок позволил выделить связи по сырью. 27 фрагментов происходят от 8 галек (от 4 — по 2 фрагмента; от 1—3; от 2—4; от 1 — по 8). Интересно отметить: чем выше качество сырья, тем больше фрагментов данных галек найдено в гроте. Из кремнистой гальки коричневого цвета изготовлены отщеп с краевой ретушью, острие на отщепе и 2 отщепа без ретуши; из темно-коричневого кремня — скребок и 3 отщепа.

На 32 осколках галек и галечных отщепах присутствуют следы обработки в виде забитости и выкрошенности поверхности, а также конусов Герца. Возможно, в этом и кроется ответ на вопрос: почему в комплексе раннего железного века содержится такое количество колотой гальки? Описывая комплекс находок с жертвенного места под Писанным камнем на р. Вишере (Приуралье), О. Н. Бадер отмечает наличие в коллекции большого количества колотого кремня (около 250 кусков и 400 отщепов) ¹. Их присутствие в комплексе он объяснял принадлежностью жертвенного ритуала как эмблемы огня ². Наличие в комплексе грота на камне Дождевом галек с частичной обработкой, расколотых пополам, кусков и осколков (а не только отщепов) позволяет видеть в них не столько остатки производственной деятельности, сколько принадлежность к какому-то ритуалу. Присутствие на поверхности многих галек и осколков конусов Герца также свидетельствует не о попытках расколоть гальки, а о направленных действиях совсем другого назначения. Например, о сериях целенаправленных ударов для добывания огня или обозначения этого действия как ритуала.

Фаунистический комплекс грота довольно богат и разнообразен ³. Голоценовый слой содержит кости зайца (59/8), северного оленя (22/3), лошади (3/1), лося (2/1), медведя (2/1), соболя или куницы (6/2), белки (2/1), мелких (23) и неопределенных (58) млекопитающих, пищухи (17/5), водяной полевки (6/3), птицы (285). Из костей рыбы, найденных в гроте, определены ⁴ щука, окунь, карповые и лососевые. Кроме того, на привходовой площадке найдены кости: зайца (15/3), северного оленя (2/1), лося (3/1), соболя или куницы (6/2), белки (6/2), бобра (1/1), крота (1/1), волка (1/1), косули (1/1), водяной полевки (8/3), неопределенных млекопитающих (19), птицы (46), щуки (5), карповых (1), лососевых (4).

Палеолитических находок в гроте нет, но наличие в плейстоценовом слое расколотых костей животных позволяет предположить, что данный грот посещали и древние охотники эпохи палеолита. Плейстоценовый слой содержит кости: зайца (138/14), северного оленя (44/7), песца (8/3), горностая (2/1), единичные норки, сайги, лошади, волка, бизона, мелких (53) и неопределенных (161) млекопитающих, птицы (150), щуки (5) и карповых (1).

Обращает на себя внимание преобладание в обоих слоях костей зайца и северного оленя. Кости северного оленя, возможно, являются охотничьей добычей древнего человека. Сказать это же про кости зайца затруднительно. Возможно, обилие костей зайца связано с деятельностью хищника или хищной птицы. Во всяком случае, в скоплении костей из второй ниши, которое, бесспорно, являлось логовом хищной птицы, зафиксированы кости зайца (15/3), белки (2/1), мелких (5)

и неопределенных (5) млекопитающих, птицы (222). Если же кости зайца все же являются остатками охотничьей добычи человека, то можно предположить охоту по чернотропу (именно в это время, в октябре, в хозяйственном календаре охотника уральских лесов преобладала охота на зайца).

Кости животных из голоценового слоя относятся, по всей видимости, к раннему железному веку. Состав фауны из грота и предвходовой площадки практически ничем не различается, а на площадке присутствуют материалы только раннего железного века. Следы же посещений грота в мезолите были слишком кратковременны.

Таким образом, исследования грота на камне Дождевом показывают, что он служил кратковременным убежищем древних людей в эпоху палеолита (?), мезолита и неолита. В раннем железном веке в нем недолгое время существовало святилище. Одновременно он продолжал использоваться и в хозяйственной деятельности, причем более интенсивно, чем в предыдущие эпохи.

Состав теста керамики, ее орнаментация, типы каменных изделий, минеральное сырье позволяют предполагать, что грот посещался древним населением Среднего Зауралья, а не Приуралья. Следы хозяйственной и иной деятельности оставлены населением, шедшим вниз по течению реки, а не наоборот.

При исследовании грота были обнаружены 2 погребения.

Погребение 1, расположенное сразу за входом в грот, оказалось сильно разрушенным. Анатомический порядок сохранили кости позвоночника, ребер и частично — ног. Кости стопы и кистей рук найдены в перемешанном состоянии у входа в грот. Череп, тазовые, берцовые и длинные кости рук отсутствовали. Нижняя челюсть находилась у плечевой кости справа от позвоночника (рис. 2,4). Судя по сохранившимся остаткам костяка, погребенный лежал на спине в вытянутом положении головой на северо-восток. Он был положен в неглубокую яму, посыпанную охрой, мощность слоя которой составляла 1—2 см. Верхняя часть костяка была посыпана обильней, чем нижняя. Цвет охры не совсем обычный — буро-коричневый. Глубина залегания отдельных костей — от 8 до 30 см от современной поверхности грота. Сохранившаяся часть костяка находилась на глубине 23—30 см. Границ могильной ямы не зафиксировано, она прослеживается только по окраске охрой. Погребение частично перекрыто находками раннего железного века, возможно, оно и было разрушено в это время.

Вопрос о погребальном инвентаре довольно сложен. Достоверно с погребением можно связать только скребок, отщеп и фрагмент керамики, залегавшие в охряном пятне. Фрагмент керамики (№ 3) находился у пояса погребенного, ниже пояса лежал скребок (№ 4), а в правой части охряного пятна, у ребер, располагались 2 отщепы (№ 1, 2). Один отщеп (№ 1) в:

процессе расчистки погребения был выброшен с землей и утерян. Скребок и отщеп (рис. 5-3, 2) изготовлены из зеленой яшмовидной породы. Подобное сырье в комплексах грота полностью отсутствует. Фрагмент керамики от стенки сосуда орнаментирован отступающей палочкой (рис. 5-1). Интересно отметить, что в составе теста сосуда отсутствует тальк — обычная примесь для неолитических сосудов Среднего Зауралья.

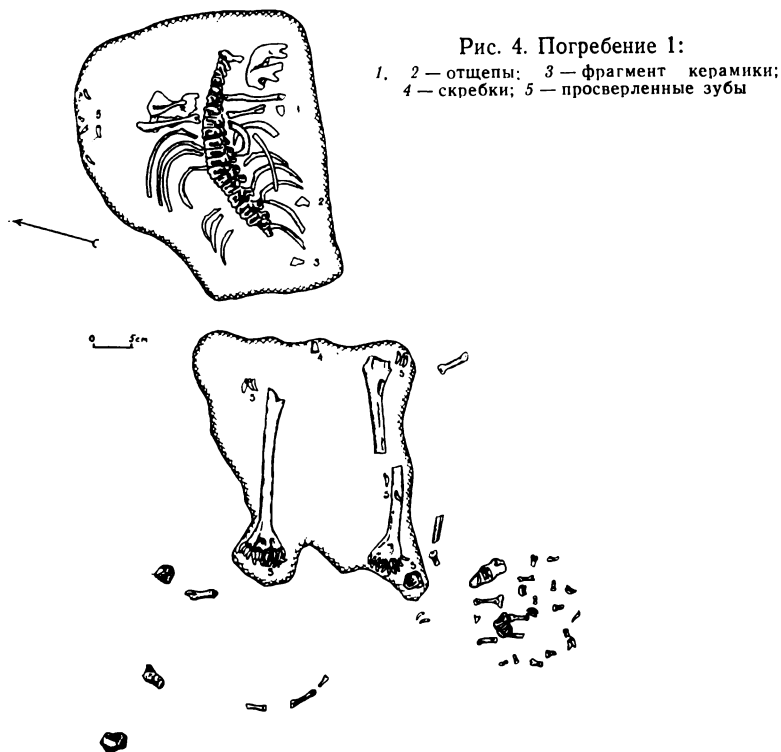

Рис. 4. Погребение 1:

1, 2 — отщепы; 3 — фрагмент керамики;
4 — скребок; 5 — просверленные зубы

Одежда погребенного была богато расшита просверленными зубами животных. По три клыка с каждой стороны было нашито на одежду в области бедер, по два десятка клыков — вокруг колен. Клыки находились и в области лодыжек и кистей рук. Всего на погребенном найдено 76 просверленных зубов (рис. 5-6—81) и 1 непросверленный. Исследование зубов под биноклем показало, что отверстия не просверлены каменным орудием. Сначала поверхность зуба у места будущего отверстия уплощалась каменным ножом с двух сторон. Затем также с двух сторон острым концом каменного ножа или резца прорезалось отверстие. У одного клыка ушко отверстия было сломано еще в древности, поэтому сбоку клыка было прорезано отверстие, которое через полость корня соединилось с ме-

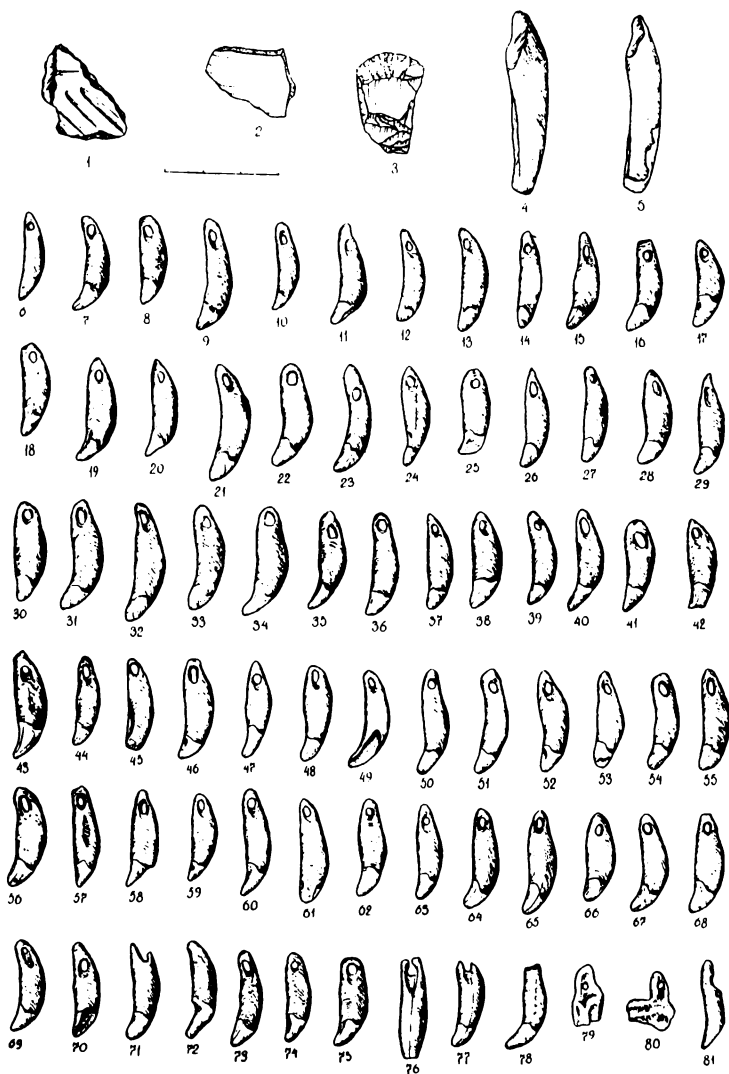

Рис. 5. Комплекс находок из погребения I:

1 — фрагмент керамики; 2 — отщеп; 3 — скребок; 4, 5 — резцы лося;
6—78 — просверленные клыки выдры; 79, 80 — просверленные зубы северного оленя; 81 — просверленный клык лисницы

стом слома. Таким образом его снова могли пришивать к одежде.

По определению П. А. Косинцева, непросверленный зуб принадлежит лисице (нижний клык), 73 зуба — выдре (нижние клыки от 37 особей), 2 — северному оленю (верхний и нижний зуб; рис. 5-79, 80) и 1 — возможно, медведю (верхний резец). Также к погребальному комплексу можно отнести 2 крупных резца лося (от одной особи; рис. 5-4, 5).

По определению Т. А. Чижишевой⁵, в погребении 1 была захоронена женщина, умершая в возрасте 35—40 лет.

При расчистке погребения 1 было обнаружено еще одно погребение (2). Оно находилось в 15 см от первого в глубине грота, ближе к его северному углу (рис. 2). Погребенный лежал на спине в скорченном положении. Голова и позвоночный столб обращены на северо-восток, согнутые в коленях ноги — на северо-запад, руки были сложены на животе. Насильственный поворот связанных ног на северо-запад приподнял всю левую часть костяка погребенного, в результате чего левое плечо, бок и таз залегали немного выше правой части скелета. Погребение в отличие от первого хорошо сохранилось. Покойник находился в неглубокой яме, вырытой до глыбового горизонта. В северо-западной части грота, прямо на поверхности, находилась куча крупных и средних камней. Возможно, их появление связано с расчисткой ямы, дно которой также обильно посыпано охрой. Толщина прослойки охры составляла 1—2 см. Очертания ямы в слое фиксировались только по границам охряного пятна. Костяк залегал на глубине 25—30 см от современной поверхности. Череп находился немного выше. Костяк тоже был посыпан охрой, особенно обильно — верхняя часть скелета. Практически все кости и предметы из погребения несут на себе следы охры, которая сохранилась даже после их мытья. Цвет охры такой же, как и в первом погребении, — буро-коричневый, только в этом погребении ее значительно больше. Над погребением обнаружены 2 находки: на глубине 17 см — отщеп, на глубине 21 см — микропластинка (рис. 3-3). Но эти предметы не связаны с погребением, они попали наверх при засыпке погребенного землей. Пластика и, видимо, отщеп являются более древними, чем погребение, и относятся, скорее всего, к эпохе мезолита.

В ногах погребенного в пределах охряного пятна, но выше его, на глубине 16—20 см от уровня современной поверхности зафиксировано скопление рыбьих костей и чешуи диаметром до 15 см. В скоплении залегали кости щуки, окуня, карповых и лососевых.

Погребальный инвентарь захоронения 2 по сравнению со всеми известными ранними погребениями Урала богат. За черепом находился несверленный клык (верхний) лисицы (рис. 6-1). Видимо, он был нашит на головной убор. Под ру-

ками на поясе находился костяной гарпун (рис. 6-4; 8-1). Он имел всего 2 зубца (один сломан), его длина 8,8 см, изготовлен из расколотов трубчатой кости. На поясе в районе бедер и живота были нашиты резцы бобров (4/2 и 6/3; рис. 6-12).

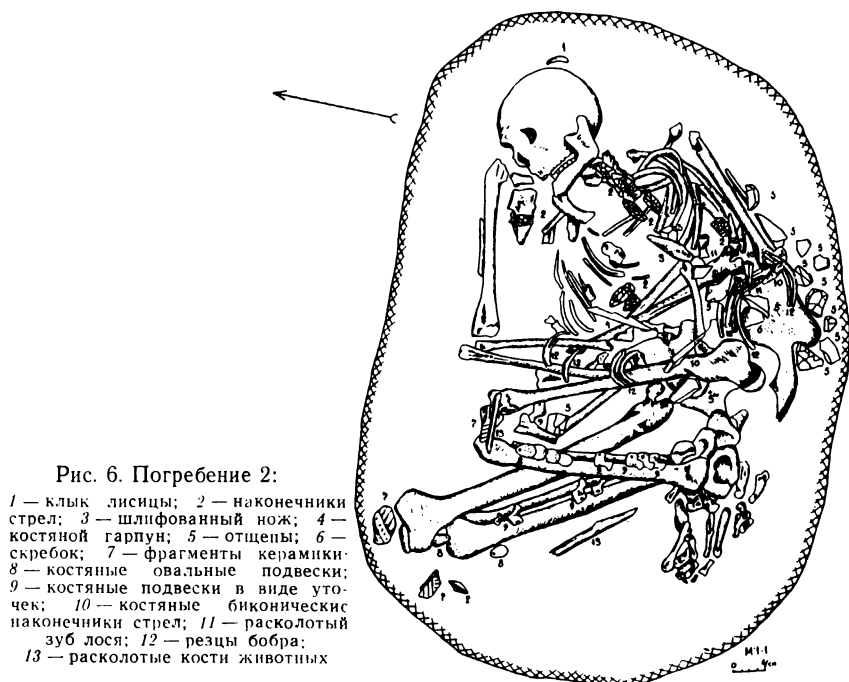

Рис. 6. Погребение 2:

- 1 — клык лисицы; 2 — наконечники стрел; 3 — шлифованный нож; 4 — костяной гарпун; 5 — отщепы; 6 — скребок; 7 — фрагменты керамики; 8 — костяные овальные подвески; 9 — костяные подвески в виде утолщек; 10 — костяные биконические наконечники стрел; 11 — расколотый зуб лося; 12 — резцы бобра; 13 — расколотые кости животных

Некоторые резцы достигают длины (без учета изгиба) 8 см. Сохранность их плохая (рис. 8-22-26). На груди погребенного острием вверх лежал каменный шлифованный нож, изготовленный из зеленоватого туфопорфира (рис. 6-3). Он имеет длину 6,7 см, ширину в средней части — до 1,7 см, тщательно отшлифован с двух сторон, обухом ножа дополнительно обрабатывался затупляющей ретушью, на лезвии присутствует фаска (рис. 7-13). У насада с обуховой стороны имеется боковая выемка, образованная крутой ретушью. Судя по следам сработанности, нож являлся охотничьим кинжалом, использовался для разделки туш животных и строгания дерева или кости. Причем, использовался нож в рукояти, скорее всего, в деревянной (костяная бы сохранилась).

Кроме шлифованного ножа в погребении находился обломок шлифованного рубящего орудия — топора. Он лежал у сгиба левой ноги погребенного (с внутренней стороны; рис. 6-5). Изготовлен также из зеленоватого туфопорфира, размеры фрагмента 2,9×2,5 см (рис. 7-14). Линейные следы свидетельствуют о долгом или интенсивном использовании дан-

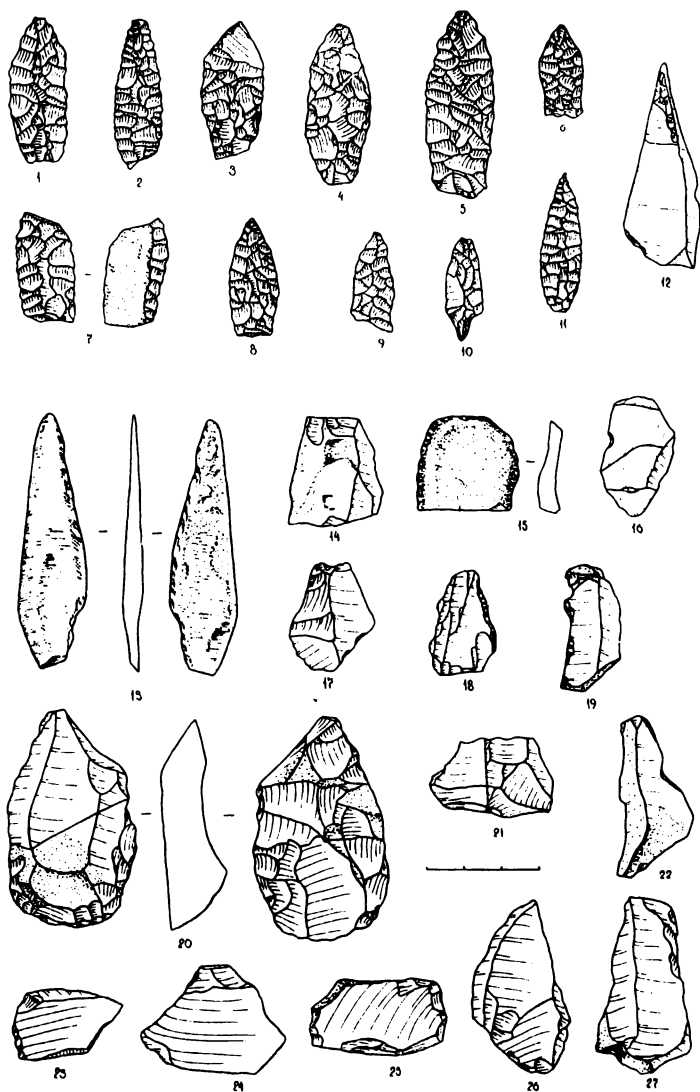

Рис. 7. Комплекс находок из погребения 2:

1-11 — наконечники стрел; 12 — отщеп с краевой ретушью; 13 — шлифованный нож; 14 — обломок шлифованного орудия; 15 — скребок; 16-19, 21-27 — отщепы; 20 — пуклевидный кусок

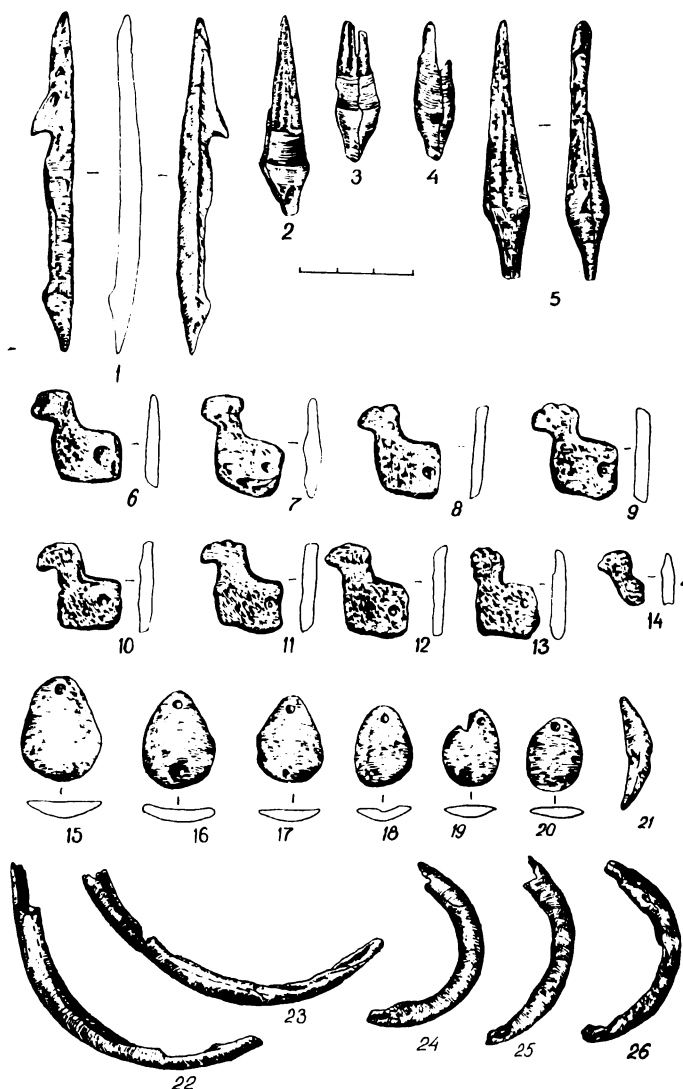

Рис. 8. Комплекс находок из погребения 2:

1 — костяной гарпун; 2—5 — костяные биконические наконечники стрел;
6—14 — костяные подвески в виде уточек; 15—20 — костяные овальные
подвески; 21 — клык лисицы; 22—26 — резцы бобра

ного орудия до его поломки. После поломки топора его фрагмент пытались использовать в чем-то другом: ретушью со стороны брюшка на правом краю образована выемка. У локтя левой руки находилось 3 костяных биконических наконечника стрелы (рис. 6-10). По типу они одинаковы. Перо наконечников заострено плоскими срезами (до 11) длиной до 2,5 см. Это заострение придает им сходство с очиненным карандашом. Средняя часть наконечников шириной до 1 см орнаментирована круговыми правильными нарезками (рис. 8-2—4). На взгляд автора, нанести подобный орнамент вручную невозможно, для этого требуется определенное устройство (простейшее приспособление типа станка для циркульного сверления). Все наконечники имеют укороченные пропорции, сразу за головкой располагается насад, уплощенный на две грани. Сохранность наконечников плохая, нижняя их часть, лежавшая на земле, раскололась и растрескалась. По наиболее сохранившемуся экземпляру длину наконечников можно определить в 5,2—5,5 см.

Четвертый биконический наконечник находился в районе пояса (рис. 6-10). Сохранность его также неудовлетворительная, но его удалось склеить практически полностью. Он также имеет укороченные пропорции, его длина 6,8 см. В отличие от первых наконечников он не орнаментирован и небрежно отделан. Перо наконечника не соответствует пропорциям, оно заметно удлинено (рис. 8-5). В области таза найден скребок (рис. 6-6), изготовленный из отщепа халцедона размером 2,6×2,5 см (рис. 7-15). Скребок в могиле лежал брюшком вверх. У локтя левой руки (с внутренней и внешней стороны) находился расколотый на 2 части крупный нижний зуб лося (рис. 6-11).

В области таза найдены 14 отщепов (12 в слое и 2 в промывке) и расколота надвое заготовка орудия (рис. 6-5). Относительно компактное залегание отщепов позволяет предположить, что они находились в сумке, висящей на поясе у таза. Заготовка орудия и 9 отщепов изготовлены из розоватого халцедона (рис. 7-20, 12, 16—19, 21, 23, 25). По всей видимости, они сделаны из одного куска. Это может подтверждаться тем, что склеилась из двух частей заготовка орудия (рис. 7-20); склеились между собой 2 отщепа (рис. 7-21), и эти же отщепы подклеились к заготовке. Общая длина этой заготовки — 5,7 см, ширина в средней части — 3,5 см, толщина — от 1,1 до 1,7 см. С двух сторон она обработана уплощающими сколами. Могла служить нуклеидным куском для получения отщепов, но могла быть и заготовкой наконечника стрелы.

Отщепы имеют разные очертания и размеры. Длина их от 2 до 5,4 см, на 6 присутствует несистематическая ретушь, которую можно рассматривать как ретушь утилизации (рис. 7-12, 17—19, 23, 25). Все отщепы были в употреблении, но недолгое время. Также из халцедона, но уже пестрого, изготовлено еще

2 отщепа (рис. 7-24, 26). Они также происходят от одного куска. Возможно, к этому же куску относится еще один отщеп халцедона, обнаруженный в промывке. Из черного кремнистого сланца хорошего качества изготовлены 2 отщепа, которые можно отнести к пластинчатым (рис. 7-22, 27). Ударные площадки их не фасетированы, отщепы заметно изогнуты в профиле. Эти отщепы также внакладку склеиваются друг с другом.

В районе верхнего отдела костяка залегало 10 каменных наконечников стрел (1 обнаружен в промывке; рис. 7-11). Один из них был разбит на 2 части (рис. 7-5). Еще один наконечник стрелы — одиннадцатый — был найден у колена правой ноги (рис. 7-10). Среди наконечников, хотя они и близки между собой, можно выделить несколько типов.

Первый представлен двумя наконечниками иволистной формы. Один из них изготовлен из красной кремнистой породы (рис. 7-11). Он тщательно отделан плоской ретушью. Нижний конец обломан на длину не более 2 мм. Длина наконечника 3,6 см, толщина — 2 мм. Второй наконечник изготовлен из светло-серой халцедонистой породы (рис. 7-2) и также обработан плоской ретушью. Верхний и нижний концы обломаны. Длина сохранившейся части 4 см, толщина — 4 мм.

Второй тип представлен также двумя наконечниками в виде рыбки, оба имеют небольшие размеры — 2,5 и 2,6 см. К основанию тело наконечника слегка сужается, а затем расширяется, образуя слабовыраженные шипы и выемку в основании. Один наконечник изготовлен из черной кремнистой породы, второй — из пестрого халцедона.

Третий тип составляют 5 наконечников листовидной формы с закругленным основанием или слабо выраженной выемкой в основании. К этому же типу можно отнести наконечник из серого кремнистого сланца, у которого отломан нижний конец (рис. 7-8). Наконечники этой серии выглядят небрежными в обработке. Нет той тщательности и аккуратности в отделке, характерных для наконечников предыдущих типов. Края наконечников неровные, профиль несимметричен, некоторые из них выглядят горбатыми (рис. 7-1, 3, 4, 5, 7).

Возможно, что наконечники первого и второго типов изготовлены на поселении в стационарных условиях, а третьего типа — из местных материалов и взятого с собой сырья уже в пути. 2 наконечника изготовлены из розоватого халцедона (рис. 7-4, 7). Из него же сделаны заготовки орудия, отщепы и скребок. От одного наконечника отслоилась средняя часть, у второго отломан кончик пера на протяжении не менее 0,7 см. Оба наконечника сильно окрашены охрой. Также из халцедона, но уже пестрого, изготовлен листовидный наконечник с закругленным основанием и слабо выраженной выемкой на нем (рис. 7-5). Он расколот в древности сильным ударом по-

полам. Общая длина 5 см. Еще 2 наконечника из этой серии изготовлены из черной кремнистой породы (но разной). Они близки по форме и размерам, их длина 3,8 и 3,6 см (рис. 7-1, 3). Последний наконечник относится к черешковым, имеет слабо выраженный треугольный черешок (рис. 7-10). Тело его обработано плоской ретушью, а черешок крутой, он имеет треугольное сечение. С выпуклой стороны посередине наконечника на протяжении 0,9 см осталась необработанная ретушью поверхность. По-видимому, наконечник изготовлен из ножевидной пластины. Длина его — 2,7 см, сделан он из серого кремнистого сланца.

Интересно отметить, что наконечник, изображенный на рис. 7-3, находился между шейными позвонками погребенного. Отсюда можно сделать вывод, что погребенный был убит выстрелом сзади (судя по расположению наконечника). Наконечник, изображенный на рис. 7-4, торчал между ребер у позвоночного столба острием вверх. Первоначально мы посчитали данный факт также свидетельством выстрела в спину. Но учитывая, что данный наконечник изготовлен из такого же розоватого халцедона, что и другие предметы из погребения, следует попытаться найти этому факту другую интерпретацию. Возможно, он провалился между ребер в процессе разложения труп.

На берцовых костях с внешней стороны находились по 4 костяных фигурки, изображающие уток. Еще одна уточка найдена под коленом левой ноги (рис. 6-9). С внутренней стороны берцовых костей располагались овальные подвески, выполненные также из кости. На левой ноге их было 4, на правой — 2 (рис. 6-8). Судя по тому, что в погребении сохранилась головка утки без отверстия, все подвески были нашиты на одежду. Причем, утки пришивались в двух местах: за отверстие и за шейку фигурки. Подвески в виде уток стандартизированы: имеют подквадратное тулово, короткую шею и массивную голову (рис. 8-6—14). У 2 из них сзади головы присутствует своеобразный гребень (рис. 8-7, 8). У хвостов фигурок имеются отверстия диаметром 2—4 мм, просверленные каменным сверлом путем встречного сверления. От одной утки сохранилась только головка (рис. 8-14). Все они изготовлены из таранных костей бобра. Длина уток 2,2—2,5 см, высота — 2,3—2,5 см. Овальные подвески имеют каплевидную форму, хорошо отшлифованы, изготовлены из расколотых вдоль крупных костей. Вверху имеют просверленные методом встречного сверления отверстия диаметром 2—3 мм. Высота подвесок — от 2 до 2,8 см (2—2,1—2,2, 2,3—2,6—2,8 см).

Прямо на сгибе колена левой ноги погребенного лежала расколота трубчатая кость северного оленя, а под ней — фрагмент керамики (рис. 9-3). Еще 2 фрагмента керамики найдены у колена правой ноги (рис. 9-1, 2). При зачистке дна могилы

также в районе ног найдено 3 мелких фрагмента керамики (рис. 9-4—6), один из них — в промывке, он подклеен к фрагменту, найденному у правого колена (рис. 3-2). Также возле правой берцовой кости залегала расколотая вдоль кость животного (неопределенная; рис. 6-13). Три крупных фрагмента

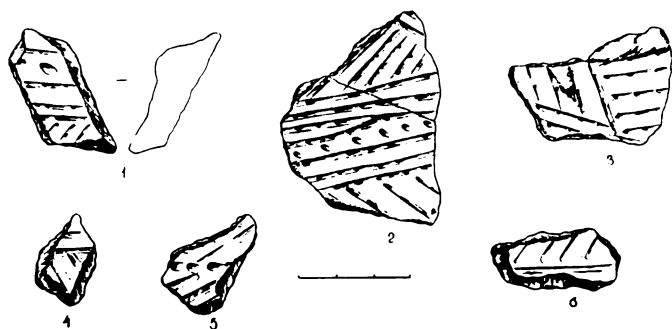

Рис. 9. Керамика из погребения 2

керамики (рис. 9-1—3) принадлежат одному сосуду, орнаментированному методом отступающей палочки. В тесте сосуда присутствует значительная примесь талька. На одном из этих фрагментов (рис. 9-3) имеется серповидный знак, прорезанный по сухой глине. 3 мелких фрагмента керамики (рис. 9-4—6) также орнаментированы отступающей палочкой и также происходят от одного сосуда, но от другого. От первого сосуда керамику второго отличает практически полное отсутствие талька в тесте. Интересно отметить, что фрагмент от этого же сосуда залегал и в погребении 1 (рис. 5-1).

Вопрос о датировке погребения 2 легко решается по наличию в погребальном комплексе неолитической керамики. По орнаменту керамика датируется эпохой развитого неолита. Правда, нельзя не отметить некоторые особенности погребального инвентаря, которые могли бы повлиять на датировку погребения. На наш взгляд, каменные наконечники стрел второго и третьего типов (рис. 7-1, 3—9) более характерны для эпохи раннего металла, так же, как и овальные костяные подвески. Для раннего металла характерно и широкое использование халцедона для изготовления каменных орудий. С другой стороны, костяные биконические наконечники описанного типа (рис. 8-2—5) в комплексах Шайтанской пещеры и камня Дыроватого залегают сразу над мезолитическими наконечниками шигирского типа (вкладышевыми, игловидными, биконическими).

Также просто решается вопрос о синхронности обоих погребений. Ориентировка у них одинакова, оба погребения совершены неглубоко от поверхности, несмотря на небольшую

площадь грота, они не перекрывают друг друга, в обоих захоронениях использовалась охра одного и того же цвета. И наконец, фрагменты одного и того же сосуда встречены в обоих погребениях.

В погребении 2 был захоронен мужчина 40—45 лет, небольшого роста. Использование разных формул дает следующие определения длины тела погребенного: по В. В. Бунаку — 162,9 см; по Г. Ф. Дебецу — 156,0 см; по А. Тельккя — 166,7 см; по К. Пирсону и А. Ли — 163,6 см. По мнению Т. А. Чикишевой, люди, захороненные в гроте на камне Дождевом, принадлежали к очень грацильному, низкорослому, своеобразному антропологическому типу, в котором преобладали европеоидные особенности: высокое, хорошо моделированное переносье; выступающий под линией общего профиля лица нос; узкое, с острым нижним краем грушевидное отверстие; четырехбугорковые моляры с прямой эмалево-цементной границей; сложные четырехбугорковые вторые премоляры; наличие диастемы на верхней челюсти. В то же время умеренно уплощенное, мезогнатное лицо, невысокая черепная коробка с удлинненным дорзальным отделом свода, наличие лопатообразного медиального резца у погребенного 1 могут свидетельствовать о монголоидности в антропологическом облике погребенных.

При ряде отличий, считает Т. А. Чикишева, череп из погребения 2 очень близок по своему строению к черепам из Шигирского торфяника, отнесенных Г. Ф. Дебецом по комплексу морфологических особенностей к «урало-лапоноидной группе», представленной в краниологических сериях лопарей, марийцев, манси, ханты⁶. Но, по мнению Т. А. Чикишевой, данная находка по комплексу своих особенностей стоит ближе к представителям финских групп финно-угорской языковой семьи. Вышеуказанную комбинацию признаков новой антропологической находки, отличающуюся от классических вариантов уральской расы более четкой выраженностью европеоидных черт, В. П. Алексеев предлагает выделять как субуральский антропологический тип⁷.

Сотрудницей лаборатории пластической реконструкции Т. С. Балуевой сделана графическая реконструкция мужчины из погребения 2⁸ (рис. 10).

Необходимо отметить, что погребения в гроте на камне Дождевом являются ценнейшим археологическим источником и позволяют нам по-новому подойти к решению многих вопросов о значимости обрядовых признаков при совершении захоронений, датировке комплексов изделий, реконструкции одежды и т. п.

Учитывая единичность подобного рода источников, далеко не всегда можно получить аргументированные ответы на поставленные вопросы.

По керамике, сырью каменных изделий погребальные ком-

плексы являются зауральскими, но обнаружены они в горной части Среднего Урала, фактически уже за хребтом. Что это? Экспедиция? За чем? Когда? Заставляет задуматься и близость к месту погребения святилища на камне Дыроватом (все-

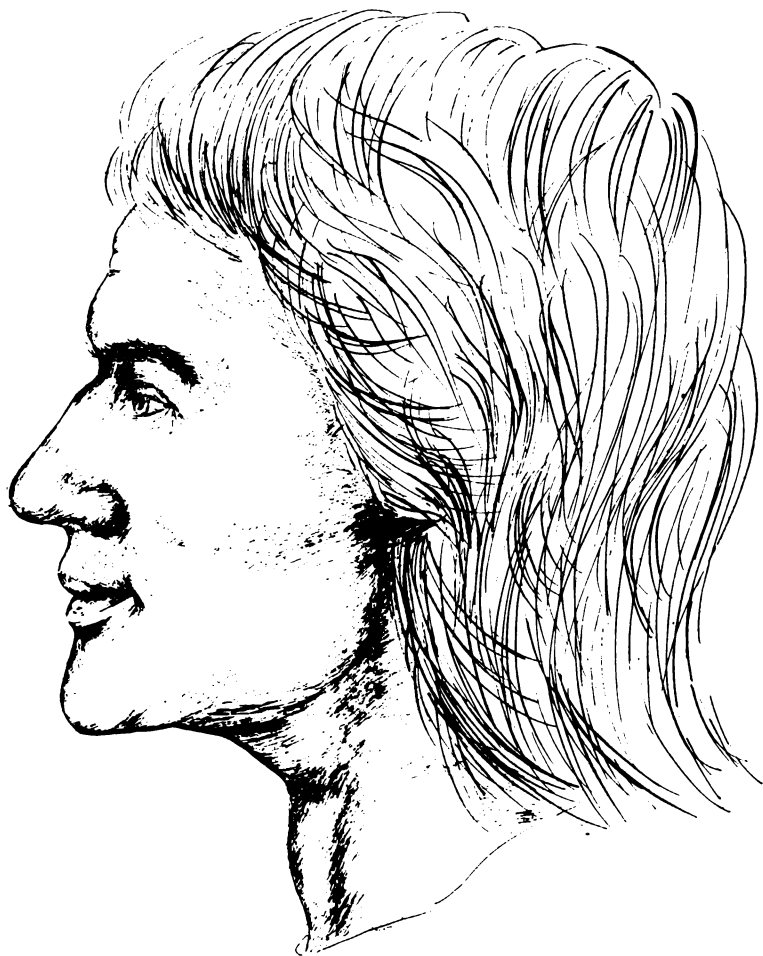

Рис. 10. Графическая реконструкция мужчины из погребения 2
Выполнена Т. С. Балуевой (Санкт-Петербург)

го 6 км ниже по течению реки), на котором присутствуют такие же типы каменных и костяных наконечников стрел. Можно попытаться определить, откуда вышла группа, оставившая здесь погребения. Розовый халцедон на территории Зауралья известен достаточно широко, но чаще всего он встречается в комплексах Свердловского Зауралья, в районе р. Исеть.

Можно допустить, что группа охотников передвигалась с верховьев р. Чусовой в направлении камня Дыроватого. Перед святилищем она попала в засаду, в результате столкновения 2 человека погибли (хотя на костяке женщины следов прижизненных повреждений не зафиксировано). Это событие произошло в теплое время года. По определению Л. Л. Гайдученко (Кустанайский пединститут), произведенному по зубам погребенных, оба погибли во второй половине лета. Путешествие могло происходить только на лодках, летом по берегам Чусовой далеко не уйдешь: подмытые деревья, заросли кустарника, бобровые плотины, отвесные скалы сильно затрудняют продвижение по берегам, а иногда и совсем препятствуют ему. Нападение произошло недалеко от камня Дождевого, иначе трудно представить, как соплеменникам убитых удалось придать им необходимые позы, разные для мужчины и женщины. Это очень интересный факт, поскольку часто позу связывают с датировкой погребения, с этносом и т. д. Здесь же 2 заведомо одновременных погребения одной племенной группы, но позы разные.

Вызывает большое удивление и вопрос: где брали охру? Неужели носили с собой? Скорее всего, именно так и было. Захоронение произведено в укромном, труднодоступном месте. Это отличает чусовские погребения от других, известных нам погребений в пещерах. Обращает на себя внимание и такой факт. В женском погребении присутствовали зубы северного оленя, лося, лисицы и выдры. В мужском погребении зафиксированы кость северного оленя, зубы лося, лисицы и бобра. Что стоит за подобным сочетанием, сказать трудно, но вряд ли это является совпадением.

К интересным деталям погребального обряда можно отнести еще один, на первый взгляд, малоприметный факт. Выше уже упоминалось, что в мужском погребении находились склеивающиеся между собой предметы (наконечник стрелы, заготовка орудия, отщепы). Но все эти предметы по отношению друг к другу были перевернуты на 180°. Например, если часть отщепа лежала на спинке, то вторая часть — на брюшке. Точно так же и остальные предметы. Вряд ли это является случайностью.

Богатый погребальный инвентарь и нашитые на одежде украшения дают возможность реконструировать одежду. На мужчине была облегающая шапочка (зуб лисицы лежал прямо на черепе). Возможно, она была оторочена меховой опушкой. Одежда мужчины и женщины состояла из брюк, курток и меховых сапог. Мужчина имел широкий пояс, расшитый резцами бобра. На сапогах или штанинах брюк у мужчины были нашиты костяные подвески, у женщины — просверленные зубы. У мужчины на левом боку была приторочена к поясу или на плечо через перевязь меховая (?) сумка, в которой лежали от-

щепы и заготовки орудий. Нож, видимо в кожаном чехле, висел на груди. Стрелы, непонятно почему, располагались по всему телу убитого.

На коленях мужчины лежало по фрагменту керамики. Совсем недавно нам стали известны подробности о находке охотника бронзового века в леднике Южного Тироля.

Так вот, на коленях охотника была выполнена цветная татуировка в виде линий и крестов. Возможно, функция татуировки и фрагментов керамики сходна. Пока ясно одно: у каждого члена группы были при себе фрагменты керамики. Они имеют слегка окатанные края, на одной из них вырезан серповидный знак. Зачем их носили с собой? Хочу высказать предположение, что у путешествующих групп фрагменты керамики с орнаментом могли выполнять роль «паспортов», указывающих на родовую или племенную принадлежность членов группы. Возможно, такую же роль играла и татуировка. Кстати, замерзший в леднике охотник имеет большое сходство с погребенными с чувовских погребений. У него был деревянный лук, колчан и 14 стрел с костяными наконечниками, кожаный пояс с чехлом, в котором лежали кремь, трут, каменный кинжал за поясом, бронзовый топор, за плечами — берестяная сумка типа рюкзака. Одет он был в кожаную куртку, простеганную соломой, кожаные брюки и меховые сапоги, подвязанные ремешками⁹.

В заключение необходимо определить место чувовских погребений среди других уральских захоронений. Не будем приводить подробных сравнительных характеристик, все это уже проделано А. Ф. Шориным в его полной сводке уральских погребений¹⁰. Отметим только несколько моментов. Впервые в археологии Урала зафиксированы 2 одновременных погребения с различными позами погребенных. Этот факт заставляет пересмотреть предположение Г. Н. Матюшина о наличии двух групп — северной и южной, различающихся по обряду захоронения¹¹. Скорченные погребения являются нетипичными для территории Урала. До сих пор было известно только 2 погребения со скорченными костяками — в Давлеканово и Дружном I. Расположены они в Башкирии и Челябинской области. Мужское погребение из камня Дождевого является в настоящее время самым северным на Урале погребением со скорченным костяком.

Чувовские погребения во многих отношениях (захоронение в пещере, способ захоронения, присутствие охры, наличие подвесок и костей рыб) сходны с другими уральскими погребениями¹². Но есть и отличия: ни одно из уральских погребений не может сравниться с чувовскими по богатству погребального инвентаря; ни одно из погребений, даже те, которые относят к эпохе неолита, не содержат неолитической керамики.

Здесь же следует коснуться и вопроса о датировке погре-

бений. Погребальный инвентарь с камня Дождевого заставляет пересмотреть датировку каплевидных подвесок и некоторых типов наконечников стрел и «удревнить» время их бытования.

Самым древним погребением на территории Урала, несомненно, следует считать погребение у с. Пеган¹³. Сейчас его с уверенностью можно датировать эпохой мезолита. Вторыми по хронологии являются 2 погребения из грота на камне Дождевом, которые датируются развитым (возможно, ранним) неолитом. Истинный возраст Давлекановского погребения¹⁴ нам неясен. Все остальные погребения датируются в лучшем случае эпохой энеолита (грот у Каменного Кольца¹⁵, Бурановская пещера¹⁶, Старичный Гребень¹⁷, Усть-Катавская II пещера¹⁸, Березки V¹⁹, Леуши XIV²⁰, Аятское²¹, Сосновый остров²²).

¹ См.: Бадер О. Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. 1954. Т. 21. С. 252.

² См.: Там же. С. 256.

³ Все определения фауны к этой работе выполнены П. А. Косинцевым (Институт экологии растений и животных УрО РАН). Автор выражает ему глубокую признательность за многолетнюю помощь и сотрудничество.

⁴ Определения костей рыб произведены сотрудником Института экологии растений и животных УрО РАН А. Е. Некрасовым, которому автор приносит свою благодарность.

⁵ Определения палеоантропологического материала выполнены Т. А. Чикишевой (Институт истории, филологии и философии СО РАН), которой автор приносит свою глубокую благодарность.

⁶ См.: Дебец Г. Ф. К палеоантропологии Урала // КСИЭ. 1953. № 18. С. 66—68.

⁷ См.: Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы: (Краниологическое исследование). М., 1969.

⁸ Приношу Т. С. Балуевой свою глубокую благодарность за графическую реконструкцию.

⁹ См.: Монье Ф. Посланник из бронзового века // За рубежом. 1992. № 1. С. 18.

¹⁰ См.: Шорин А. Ф. Доандроновское погребение могильника Березки V в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 73—74.

¹¹ См.: Матюшин Г. Н. Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканово на Южном Урале // СА. 1970. № 4. С. 167.

¹² См.: Бадер О. Н. Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца на Урале и его аналоги // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 104—109; Бибиков С. Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. 1950. Т. 13. С. 95—138.

¹³ См.: Сальников К. В. К вопросу о неолите степного Зауралья // КСИИМК. 1952. Т. 17. С. 15—23.

¹⁴ См.: Матюшин Г. Н. Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканово на Южном Урале. С. 160—188.

¹⁵ См.: Бадер О. Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере. С. 104—109.

¹⁶ См.: Бибилов С. Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. С. 95—138.

¹⁷ См.: Там же.

¹⁸ См.: Там же.

¹⁹ См.: Шорин А. Ф. Доандроновское погребение могильника Березки V в горно-лесном Зауралье. С. 68—79.

²⁰ См.: Беспрозванный Е. М., Старостина Е. Е. Погребение в Нижнем Прииртыше // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986. С. 33—38.

²¹ См.: Берс Е. М. Позднеэнеолитическое погребение на р. Ая в Среднем Зауралье // СА. 1976. № 4. С. 190—200.

²² См.: Викторова В. Д. Сосновый остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья // СА. 1968. № 4. С. 165—167.

В. М. МОРОЗОВ, В. И. СТЕФАНОВ
Уральский университет

АМНЯ I — ДРЕВНЕЙШЕЕ ГОРОДИЩЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ?

Предлагаемая статья посвящена уникальному памятнику — укрепленному поселению каменного века Амня I. Оно расположено в северотаежной подзоне, на правом берегу р. Амни, недалеко от впадения с левой стороны в Казым — правый приток Оби в ее нижнем течении. Ближайшее селение — бывшая фактория Казымская культбаза, а ныне поселок оленеводов Казым — находится в 6 км к западу.

Памятник занимает подтреугольную площадку на мысовидном выступе боровой песчаной террасы, окруженном с трех сторон верховым болотом (рис. 1А). Терраса, имеющая в данном месте высоту 7—8 м, полого понижается к оконечности мыса, его северо-западный и южный склоны довольно крутые. До реки 0,7 км на юго-запад. Терраса покрыта сосновым лесом с примесью кедра, почвенный покров состоит из брусничника и лишайников. В рельефе поверхности хорошо выражены два поперечных рва, ограничивающих мыс со стороны берега, и восемь жилищных впадин (1—8), расположенных на образованных рвами площадках. Слабоизогнутый внутренний ров шириной более 3,5 м и глубиной около 1 м имеет длину 25—26 м. Внешний ров, протяженность которого около 55 м при ширине 2,5—5 м и глубине до 1,5 м, более сложной конфигурации: он разомкнут в двух местах, а составляющие его отрезки образуют почти прямой угол, вдающийся в глубь террасы. Расстояние между концами рвов на северо-западном склоне мыса составляет 8 м, на южном склоне оно превышает 25 м и в средней части между рвами — почти 35 м. На ограниченную ими подчетыреугольную площадку можно попасть по двум проходам: северному — шириной 2 м и восточному — шириной около 7 м. Второй из них являлся, по-видимому, основным.